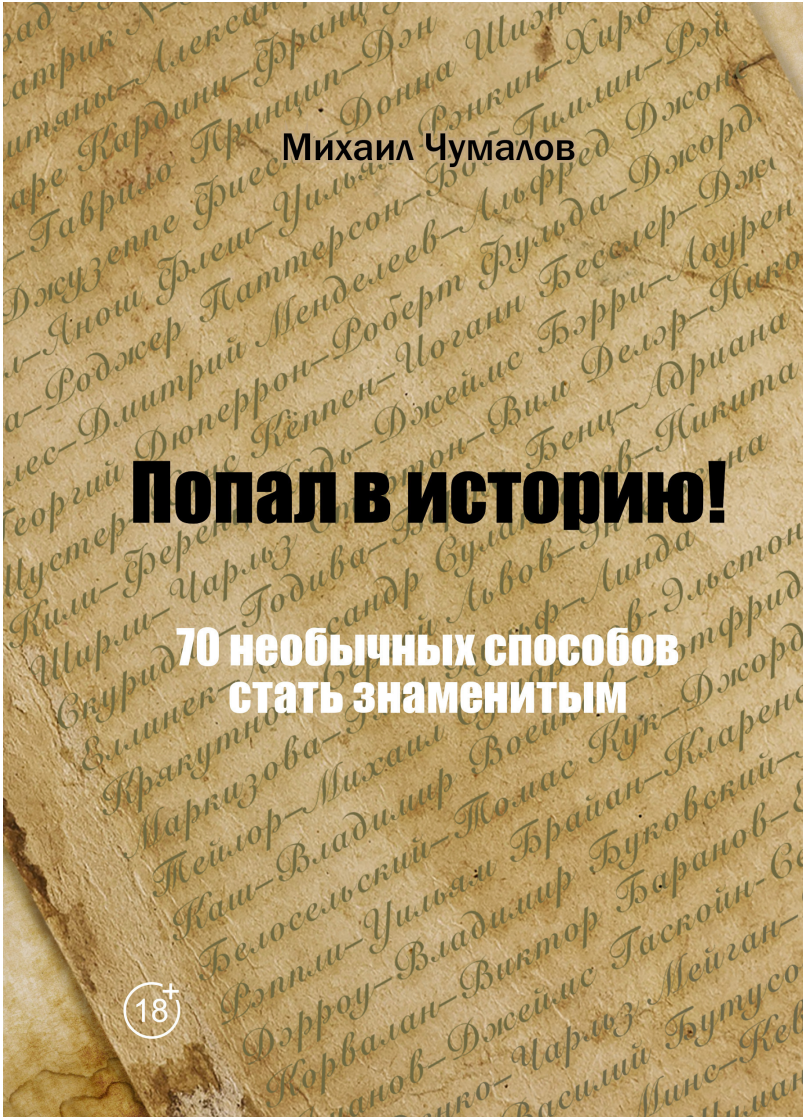

Михаил Чумалов
Попал в историю!
70 необычных способов стать знаменитым
18+

Михаил Чумалов

Попал в историю! 70 необычных способов стать знаменитым

Серия «Интеллектуальная история. Научный подход»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74709366
Попал в историю! 70 необычных способов стать знаменитым: Москва; 2026
ISBN 978-5-17-191163-8

Аннотация

Это рассказы о людях, которым не только удалось оставить свои имена в истории, но и сделать это необычными, а подчас и курьёзными способами. Им довелось попасть в историю в прямом и переносном смыслах. Без таких людей большая книга Истории не была бы столь многоцветной и увлекательной.

Содержание

От автора	5
Родина слонов	8
Полёт нетрезвой Валькирии	16
Когда пробка согрешит со штопором…	21
«Солнце на спицах»	27
Обмен культурный и некультурный	33
Он видел Ленина!	38
Увидеть Эверест и не умереть	44
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Михаил Чумалов
Попал в историю! 70 необычных способов стать знаменитым

© Чумалов М., текст, 2026

От автора

Факты истории, как её учат в школе, это события, изменившие мир, это деяния людей великих, оставивших на земле яркий след. Одновременно с ними люди простые и безвестные рождались и умирали, пахали землю и перевыполняли годовой план, скитались по планете, совершая подвиги и мелкие глупости, попадали в различные истории. Лишь очень немногим из них посчастливилось попасть в Историю с большой буквы.

Были среди них чудаки, одержимые никому тогда не нужными идеями, над которыми смеялись современники. Лишь годы спустя выяснилось, что именно эти люди создавали мир, в котором мы живём сейчас. Были и те, кто оставил за собой острое слово, меткое выражение, ставшее крылатым, или текст, переживший время.

Были и такие – и их немало – кто, оказавшись в опасных обстоятельствах, на грани гибели, бросил вызов судьбе, стихиям и невзгодам и вышел победителем. Иные прославились поступками и достижениями, на первый взгляд бесполезными и даже подчас нелепыми, но повторить их мало кому под силу. Наряду с ними свои имена в истории оставили удачливые жулики, изобретательные мистификаторы и ловкие авантюристы, у которых получалось успешно морочить головы честным людям. Другие – напротив – отметились на

скрижалях благодаря беспримерной глупости и доверчивости, или выдающейся спеси и зазнайства. Третьим же просто повезло оказаться в нужное время в нужном месте. Или не повезло – это как посмотреть. В истории случалось всякое.

Оказались героями этой книги и люди, всем известные, но не из-за тех деяний, за какие их имена вписаны в учебники, а по другим, подчас не очень серьёзным причинам. Даже самым великим свойственно иногда попадать в смешные ситуации.

Впрочем, как вы сможете сами убедиться, прочитав эти заметки, в историю могут попасть благодаря стечению обстоятельств не только люди, но и вещи, явления и события, на первый взгляд малозначительные. Здесь вы найдёте среди прочих рассказы о денежной купюре, золотой ванне, потасовке на хоккейной площадке, антиалкогольном мероприятии и даже о дне календаря. Хотя, в конечном итоге, они достойны упоминания в этой книге тоже благодаря людям – известным, малоизвестным или совсем неизвестным широкой публике.

В книге собраны факты, большей частью не столь важные, чтобы удостоиться упоминания в учебниках. События подчас курьёзные или просто смешные. Но они – тоже ниточки в ткани истории, без которых её рисунок не будет столь ярким и многоцветным. Порой они характеризуют свою эпоху лучше, чем факты из учебников. А если присмотреться внимательно – то и нашу эпоху тоже. Почему? Да потому, что в них

отражена сама суть человеческой природы, а она неизменна.

Родина слонов

Ещё не так давно Россия была родиной всего, что только есть полезного. Начиная со слонов и снежного человека и заканчивая паровозом, самолётом, радио и электрической лампочкой.

Потом вдруг выяснилось, что радио изобрёл Маркони, лампочку – Эдисон, паровоз создали англичане, а первый самолёт подняли в воздух братья Райт. Далее оказалось, что и схему первой атомной бомбы мы позаимствовали у американцев, и даже наш национальный напиток водку привезли на Русь итальянцы в средние века. Это стало ударом по патриотическому чувству обывателя: не может оно мириться с тем, что мы первые не во всём на свете.

Впрочем, это самое чувство иногда застилает здравый смысл и у самых образованных людей. И не только в России.

…Французский геометр и астроном Мишель Шаль, глава кафедры высшей геометрии Сорбонны в середине XIX века, был действительным или почётным членом Парижской, Берлинской, Петербургской, Брюссельской, Римской, Мадридской и ещё десятка академий и научных обществ Старого и Нового света. В его честь названа теорема Шаля. Его имя внесено в список семидесяти двух величайших учёных Франции, который можно увидеть на первом этаже Эйфелевой башни. Хотя в истории оно осталось не только благода-

ря научным трудам. Но в первую очередь из-за выдающего патриотизма учёного и столь же беспрецедентной доверчивости.

15 июля 1867 года Шаль публично огласил на заседании Парижской академии наук ранее неизвестные письма Блеза Паскаля к английскому химику Бойлю и Исааку Ньютону, а также письма от матери Ньютона, в которых она благодарит Паскаля за заботу, проявленную к её молодому сыну. Из писем было ясно, что это Паскаль, а не Ньютон, впервые сформулировал закон всемирного тяготения и зачем-то поделился им со своим юным корреспондентом. А Ньютон, мол, выдал это открытие за своё.

Это заявление произвело фурор. Коллеги рукоплескали Шалю. Наконец-то «острый галльский смысл» утёр нос «сумрачному германскому гению» чопорных англичан. Однако нашлись скептики, которые засомневались, что маститый учёный стал бы делиться открытиями с двенадцатилетним школяром. Издатель трудов Паскаля тоже утверждал, что рукописи – грубая подделка. В письмах нашли массу нестыковок. Паскаль с лёгкостью пользовался терминами и понятиями, которых не было в его время, и говорил о вещах, ещё не известных науке. Почерк писем был не похож на почерк Паскаля в сохранившихся манускриптах. Смущали и бытовые детали: так, в письмах упоминался кофе, который европейцы узнали спустя семь лет после смерти учёного.

Возмутились и иностранцы – англичане, голландцы, ита-

льянцы: если признать рукописи Паскаля подлинными, то историю науки, да и вообще историю, пришлось бы переписать.

В ответ Шаль притащил в Академию целый ворох переписки Паскаля с Ньютоном, Галилеем, Гюйгенсом, Мариоттом, Ферма и другими учёными, которая подтверждала, что Паскаль задолго до Ньютона занимался изучением гравитации. Но объяснить, откуда у него эти раритеты, Шаль отказался. В ответ на возражения оппонентов он на каждом заседании Академии, как фокусник из рукава, доставал очередную пачку документов, подтверждающих французский приоритет.

Дальше – больше. Вскоре на свет появились автографы Людовика XIV, Жанны Д'Арк, Мольера, Декарта, Шекспира, Данте и многих других знаменитостей, включая даже письма Александра Македонского к Аристотелю и Клеопатры к Юлию Цезарю. На недоумённые вопросы, почему иностранцы и древние авторы писали на французском языке, близком к современному, у академика тоже нашёлся ответ. Мол, это переводы, сделанные в XVI веке Франсуа Рабле, и их подлинность удостоверена самим Людовиком Четырнадцатым, чему тут же нашлось подтверждение в представленных Шалем письмах «короля-солнце».

Мнения «бессмертных» разделились. Сторонники Шаля в Академии, среди которых был будущий президент Франции Адольф Тьер, как и сам геометр, указывали на то, что

ни один человек, даже самый образованный и трудоспособный, не смог бы изготовить такое число не противоречащих друг другу документов. Да и выглядели они вполне достоверно: чернила пожелтели, бумага соответствовала времени и имела следы пребывания в воде. Скептики же требовали создания комиссии для более тщательного изучения архива. Дискуссия продолжалась два года и закончилась решительной победой Шаля.

5 апреля 1869 года на очередном заседании Академии её несменяемый секретарь заявил, выражая мнения большинства академиков, что рукописи «носят в себе признаки подлинности, ибо нигде нельзя было открыть следов отсутствия связи между ними, каковые непременно бы обнаружились, будь они подложны». Никто не смог бы писать о таких сложных вещах в духе великих людей. «Какому-нибудь жалкому обманщику, – говорил секретарь, – без сомнения, было бы трудно возвыситься до благородной простоты Людовика Четырнадцатого». Это был триумф Мишеля Шаля и французской науки.

А вскоре грянул скандал. Один из дотошных академиков обнаружил, что текст нескольких записок Паскаля и писем Галилея из архива Шаля слово в слово совпадает с выдержками из книги Савериена «История новых философов», изданной в 1761 году. Скептики настояли на создании комиссии. Выводы её были однозначны: то, что Шаль считает письмами великих людей эпохи Возрождения, – просто выдерж-

ки из различных книг Вольтера, Дидро, Савериена и других авторов XVIII века. Флорентийские эксперты, которым отослали несколько писем якобы Галилея, тоже признали их грубой подделкой.

Только тогда Мишель Шаль вынужден был открыть происхождение рукописей. Письма ему передал мелкий клерк Дени Врэн-Люка. Якобы тот получил их от неназванного наследника некоего графа Буажурдена, роялиста, погибшего при кораблекрушении во время бегства в Америку вскоре после революции. А тому коллекцию передал сам Людовик Шестнадцатый, не желавший, чтобы она оказалась в руках якобинцев. Теперь один из наследников графа пожелал негласно продать архив, если мсье Шаль сохранит в тайне его происхождение, а Врэн-Люка выступил посредником.

За несколько лет мсье Шаль потратил 140000 франков, чтобы купить 27000 документов из этого архива. В нём, кроме уже упомянутых, нашлись автографы Рабле, Расина, Мильтона, Аттилы, Птолемея, Колумба, Архимеда, Платона, Понтия Пилата, письмо Эсхила к Пифагору и даже послание древнеримского ботаника Кастора к Иисусу Христу, а также рукописи многих других исторических лиц, коих оказалось общим числом 660. Было там и письмо Марии Магдалины к воскресшему Лазарю, в котором она почему-то восхваляет ум галлов. Не распознать подделки мог только истинный патриот Франции.

В дальнейшем выяснилось: никакого графа Буажурдена

не существовало. Ловкий мошенник Врэн-Люка за восемь лет лично написал все эти документы на чистых листах, вырезанных из старинных фолиантов, чернилами, состав которых он изобрёл сам. А также взял у доверчивого геометра задаток за ещё 3000 писем, которые пока не успел подделать.

И что же? Даже когда афёра раскрылась, и дело уже шло к суду над фальсификатором, мсье Шаль отказывался верить, что его попросту надули. До последнего он твердил, что происхождение документов – дело тёмное, но они подлинные, и больше всего опасался, что бесценные раритеты утекут за границу.

А теперь оставим в покое доверчивого учёного: он своими трудами заслужил место в истории, и обратимся к личности второго виновника этой скандальной истории, того, кого во Франции назвали «королём фальсификаторов».

Дени Врэн-Люка родился в провинции в бедной семье подённого рабочего и служанки. Он получил весьма скромное образование и с детства вынужден был зарабатывать на жизнь. Однако тяга к учению, любовь к чтению и к истории преследовала его всю жизнь. Ему удалось поступить в Сорбонну, но денег на обучение не было, и Врэн-Люка пришлось вернуться домой и работать то судебным клерком, то служащим ломбарда, то помощником в адвокатской конторе. Свободное время он проводил в библиотеках за чтением старинных книг. Все его знания – они были довольно обширны, но хаотичны – молодой Дени получил самостоятельно. Его меч-

той было место библиотекаря, и с этой целью в 1852 году он отправился в Париж. Но устроиться в какую-нибудь столичную библиотеку не удавалось: ни латыни, ни греческого Дени не знал и диплома об образовании не имел.

Поворот в его жизни наступил, когда ему удалось устроиться в бюро генеалогий некоего Леттелье. Там желающим доказать своё благородное происхождение составляли родословные. Дени поручили искать клиентов. Он стал неплохо зарабатывать и получил возможность посещать лекции в Сорбонне. Тогда же он приобрёл первый опыт фальсификации документов. Некий маркиз пожелал подтвердить своё родство с жившим в начале XVI века кардиналом Антуаном Дюпра, канцлером и воспитателем Франциска Первого, но необходимых доказательств в архивах не нашлось. Нет – и не беда, – решил Дени. Он отправился в библиотеку, тайком вырвал из старой книги чистый лист и состряпал нужный документ. Заказчик ничего не заподозрил и остался доволен.

С этого момента начинающий фальсификатор занялся – пока только забавы ради – подделкой старинных рукописей. Он придумал состав чернил, способы состаривания бумаги, осваивал манеру письма людей средневековой эпохи, специфические языковые обороты. Всё это пригодилось, когда будущий мошенник познакомился с геометром Шалем.

Почему «бессмертный» водил знакомство с мелким служащим, объясняется просто. Они были земляками, родом из департамента Эр и Луар. Как-то раз академик рассказал

своему молодому другу, что хотел бы собрать для Академии архив древних рукописей. Врэн-Люка сходу сочинил байку про утонувшего графа и его коллекцию, и вскоре передал Шалю письмо якобы Мольера, а потом ещё автографы Рабле и Лафонтена. Поначалу исключительно ради шутки, – так он утверждал в своих мемуарах, написанных в тюрьме. Мол, он был намерен открыть Шалю свою проказу и вместе с ним над ней посмеяться. Но, видя, с каким патриотическим энтузиазмом академик принял эти грубые фальшивки за правду, пройдоха понял, что на этом деле можно хорошо заработать. Что было дальше – вы знаете.

Врэн-Люка приговорили к двум годам тюрьмы и штрафу в 500 франков – ровно столько же мошенник получил от Шаля за самое первое проданное ему письмо Мольера. На суде он защищался просто: мол, патриотический восторг, который доставила Шалю его продукция, стоил ста сорока тысяч.

Полёт нетрезвой Валькирии

3 июня 1969 года трое простых питерских рабочих – супруги Иван и Галина Селивончик и брат Галины Юрий Васильев – совершили попытку захватить гражданский самолёт, чтобы бежать в Финляндию.

Угоны самолётов тогда были ещё делом редчайшим, никакого досмотра в аэропортах не проводилось. Угонщикам удалось пронести в ручном багаже целый арсенал – автомат ППШ, обрез, гранаты – на борт, отправляющийся из Ленинграда в Таллин. Но экипаж оказал сопротивление: в перестрелке был тяжело ранен радист. А главарь бандитов Иван уже на земле был застрелен пограничниками при попытке ареста.

Насколько я знаю, это был первый в СССР инцидент с угоном самолёта, при котором пострадали люди.

Но не первый вообще. Ровно за пятнадцать лет до этого, в начале июня 1954 года, в авиагородке нынешнего аэропорта «Северный» в Новосибирске тоже был угнан пассажирский самолёт. Точную дату события мне установить не удалось, да и многие детали тоже: по правилам того времени документы о подобного рода лётных инцидентах были засекречены. Хотя этот случай трагических последствий не имел, а был, скорее, комическим.

Дело началось банально. Бортмеханик пассажирского

ИЛ-12 Владимир Поляков поссорился с женой и переехал от неё в общежитие. За час до ночного вылета его рейса в Москву он решил сходить домой и выяснить с супругой отношения, благо дом, где они с женой занимали комнату, находился тут же, на территории авиагородка. Поляков хлебнул для храбрости немного спирта, предназначенного для антиобледенительной обработки крыльев, купил букет цветов и… Дома он застал не только супругу, но и командира своего воздушного судна. В этом не было ничего необычного: пилот жил в той же квартире, что и семья бортмеханика. Появились ли у Полякова веские причины заподозрить неверность, или она привиделась его не совсем трезвым глазам – история умалчивает.

Так или иначе, разгорячённый ревностью и алкоголем механик вернулся в самолёт, заправленный и дожидающийся экипажа на стоянке. Там он добавил спирта уже изрядно, сел в кресло пилота, включил двигатели и в одиночку взлетел. На недоумённые вопросы диспетчеров по радио он на чистом матерном языке отвечал, что намерен «вмазать» свой ИЛ в окна изменщицы. На земле началась паника. Срочно эвакуировали жильцов нескольких домов. Людей выставили из квартир, не дав толком одеться, и они толпились на улицах городка, с ужасом наблюдая, как самолёт Полякова, подобно разъярённой Валькирии, кружит в ночном небе.

Несколько раз он заходил на «цель», но в последний момент взмывал вверх. Не то лже-пилот не мог решиться на

смертельное пике, не то ему не удавалось выйти на нужную траекторию: этого с земли понять не могли. Временами Поляков пролетал на «бреющем» так низко, что воздушный поток сшибал с ног и катил по земле прохожих.

О происходящем доложили в Москву, в Главное управление Гражданского воздушного флота. Там посоветовали уговорить Полякова посадить самолёт. Но тот, почувствовав свою власть над машиной, совсем распоясался. Выделывал на ней едва ли не фигуры высшего пилотажа и по ходу дела совершил совсем уж невероятное: на тяжелом самолёте ювелирно пролетел в узкий просвет между тремя высокими постройками, лишь вильнув крыльями. Тут-то и вспомнили, что Поляков – бывший военный лётчик: в годы войны служил бортмехаником на военно-транспортном Ли-2.

Шли часы, но Поляков уговорам не поддавался, кружил и кружил над аэропортом. Под конец пролетел так низко над диспетчерской вышкой, что сбил с неё антенну, изрядно напугав собравшееся там начальство. Только тогда из Москвы пришёл приказ – «сбить хулигана!» Подняли истребители, но увести Полякова от аэрогородка не получалась, а сбивать пятнадцатитонную машину над жилыми кварталами не решились. Тем временем начало светать, а Поляков стал трезветь. Поняв, что зашёл слишком далеко, он мастерски посадил самолёт и сдался.

Времена были далеко не вегетарианские, и, хотя никто не пострадал, воздушному хулигану присудили «вышку». За

хищение социалистической собственности в особо крупном размере и «экономический саботаж».

Спас незадачливого угонщика сам Сергей Ильюшин, главный авиаконструктор Советского Союза. Он внимательно изучил детали «полёта Валькирии». Оказалось, что ИЛ-12 столь надёжен и прост в управлении, что с ним смог справиться даже пьяный дилетант, не имеющий практики пилотирования. И не просто справиться – нетрезвый бортмеханик своими воздушными пируэтами открыл возможности самолёта, неизвестные его создателям. «Да его наградить надо», – резюмировал Ильюшин. Заступничество авторитетного авиастроителя возымело действие: отсидев три года, бортмеханик вышел на свободу. Помирился ли он с женой, мне неизвестно.

Парадокс, но история, начавшаяся как фарс, повторилась в виде трагедии через много лет. В ноябре 1976-го в том же Новосибирске некий – его имя скрыто в архивах следствия – последователь Полякова «вмазал»-таки свой АН-2 в окна квартиры то ли неверной жены, то ли злобной тёщи – тут версии расходятся. И хотя в цель он не попал (помешало дерево), от взрыва и пожара погибли, кроме самого пилота, двенадцать человек.

С начала 70-х угонять самолёты стали с пугающей регулярностью. Не из ревности, конечно, а чтобы навсегда покинуть страну победившего социализма. Пришлось даже ввести в УК новый состав преступления, вооружённую охрану

на рейсах и меры безопасности в аэропортах. Но угоняли всё равно ежегодно. Самые шумные и кровавые истории были ещё впереди.

Когда пробка согрешит со штопором…

Человек жаждущий всегда найдёт повод выпить, будь то день взятия Бастилии, весеннее равноденствие или победа России над Андоррой в кёрлинг. И всё же, согласитесь, куда приятнее выпивать по поводам тематически близким, как, например, день рождения водки или годовщина изобретения пробки с винтом. Это наполняет действо смыслом и пафосом.

Спешу обрадовать любителей национального вида досуга: на исходе лета есть прекрасный повод откупорить бутылочку-другую. 24 августа 1795 года миру был явлен штопор. Точнее, в этот день британскому писателю и священнослужителю Сэмюэлу Хеншаллу был выдан первый патент на столь необходимое человечеству изобретение. Англичане и тут опередили весь пьющий мир. «Это новый метод применения винта, увидев который, каждый человек удивится, что сам до такого не додумался», – написал изобретатель о своём детище.

Преподобный Хеншалл был викарием церкви в лондонском Ист-Энде, государственным экзаменатором в Оксфорде и автором нескольких книг по истории Англии и английскому языку, но особыми достижениями на этих поприщах

не отметился. Сейчас бы о викарии никто не вспомнил, если бы не штопор. О нём, как главном деле жизни этого человека, говорит и надпись на мемориальной доске на его могиле.

Эпохальное значение этого изобретения, сравнимого с открытием способов добычи огня и магических свойств колеса, оценит каждый, кто хоть раз пытался протолкнуть пальцем пробку в длинное горлышко мозельского или токайского.

Будь я королём, я бы повелел своим подданным наряду с мобильным телефоном и ключами от дома всюду носить с собой штопор, чтобы не ударить в грязь лицом. Тем более, исторический прецедент имеется. Каждый сайт, посвящённый истории штопора, радостно сообщает, что он входил в обязательную амуницию наполеоновского солдата. Мол, император, который и сам был большим любителем шамбертена, заботился, чтобы его солдатам не только было чем воевать, но и чем победу отметить. Правда, они забывают упомянуть, что штопор, вероятнее всего, был нужен не для бутылок, а для извлечения пуль из ружейных и пистолетных стволов. Бутылку бравый вояка и так откроет, если надо.

Как человечество существовало до 1795 года, ума не приложу. Впрочем, проведя некоторые изыскания, я узнал, что штопор был знаком людям и раньше. Им пользовались европейские модницы, чтобы открывать флакончики с духами, а также военные. Вино же хранили в бочках и разливали кувшинами, чтобы донести до стола. Стеклянные бутылки были

предметом роскоши: хрупкими и дорогими. И только коварные англичане стали разливать французское вино по бутылкам, чтобы увезти его на свой остров. Они же додумались затыкать бутылки пробкой и, что логично, вынимать пробки штопором, как пулю из давшего осечку пистолета.

С тех пор было придумано не менее трёхсот различных разновидностей штопора и выдано сотни патентов на его усовершенствование. Как только не пытались доставать эту самую пробку, начиная от привычного нам буравчика и заканчивая крючком, который просовывали между пробкой и горлышком. Сейчас наиболее распространённой конструкцией является рычажный штопор, где пробка протыкается буравчиком, а вытягивается при помощи одного или двух рычагов. Но это для «чайников», а профессионалы предпочитают использовать так называемый «нож сомелье». Умение правильно обращаться с ним – настоящее искусство, которому учат.

Существуют и более хитрые конструкции. Например, штопор дворецкого, он же «цыганский». Две закруглённые пластины, которые вставляют между горлышком и пробкой, обхватывают ими пробку и вынимают её, не повредив. Если потом затолкать пробку обратно, никто и не догадается, что бутылку открывали.

Самую совершенную конструкцию рычажного штопора, как считают специалисты, предложил в 1978 году американский инженер Герберт Аллен. Сейчас такие продаются под

маркой Screwpull. Причиной их появления, как водится, стала женщина. Когда Аллену надоело слушать жалобы жены на неудобство открывания бутылок для семейных обедов, он засел за работу и за четыре года создал свой шедевр, применив в нём материалы, использовавшиеся для производства истребителей Стелс. Открывать бутылочку таким – сущее удовольствие, пробка будто сама выскакивает из горлышка.

А для тех, кому даже пальцем пошевелить лень, технический прогресс предлагает электрический штопор или так называемый «швейцарский», состоящий из иглы для протыкания пробки и баллончика сжатого воздуха, который закачивается в бутылку и выталкивает пробку наружу. Короче, открыть бутылку сейчас не проблема, было бы только что открывать.

Но настоящая трагедия – это когда открывать есть что, а штопора под рукой нет. Ведь как говорят англичане, его изобретшие: «Вино не появится на свет, пока пробка не согрешит со штопором».

И в дополнение, раз мы уже коснулись животрепещущей темы открывания бутылок, нельзя не сказать пару слов и о нашем национальном напитке. Дело в том, что водку, как и другие разновидности «огненной воды», затыкать пробкой не принято. Ещё сотню лет назад их продавали в основном в розлив.

В этой связи считаю, что в один ряд с преподобным Хеншаллом надо поставить ещё одного благодетеля человече-

ства – тоже англичанина Дэна Райлэндса. 10 августа 1889 года он запатентовал бутылку с винтовой пробкой.

Этот достойный человек был совладельцем стекольного завода в пригороде Барнсли. На этом самом заводе делали знаменитую «бутылку Кодда» с герметичной крышкой, позволяющей разливать газированные напитки. Дэн Райлэндс усовершенствовал изобретение своего компаньона Хирама Кодда – добавил винтовую нарезку на горлышко бутылки и крышку с винтовыми канавками.

Как это часто бывает с гениальными изобретениями, опередившими время, оно не принесло счастья своему создателю. Мир ещё не был готов к столь революционной идее. Предприятие Райлэндса обанкротилось, сам он пытался покончить жизнь самоубийством и в итоге умер в сумасшедшем доме. Винтовые крышки вошли в обиход только через полвека.

До наших широт гениальное изобретение умельца из Йоркшира добиралось почти век. В годы моей советской молодости в бутылки с «винтом» разливали разве что экспортную «Столичную» и «Посольскую». Считали, видно, что «винт» актуален только для слабосильных иностранцев. А наш человек, если уж открывает бутылку, то чтобы выпить её до конца. Поэтому для внутреннего употребления в ходу были металлические крышки с «козырьком» или вовсе «бескозырки».

Мало было купить бутылку, её ещё надо было открыть,

умело и красиво. Попробуйте красиво открыть «бескозырку» зубами на морозе…

Один мой знакомый умел открывать пивные бутылки глазом, точнее, надбровной дугой. Другой же развлекал публику, срезая бутылочное горлышко ножом. Всё это делало увлекательным и познавательным сам процесс потребления.

Но мало-помалу «винт» вошёл и в наш быт. И зря… На месте советской власти я бы его запретил в одном ряду с генетикой, жвачкой и порнографией. Как тлетворное влияние Запада.

Открыл, выпил, снова завинтил крышку – что может быть банальнее и тоскливее. Никакой романтики – чистый буржуазный прагматизм. Не стало повода собираться «на троих», чтобы враз прикончить поллитру. А значит, ушёл присущий нам коллективизм.

Но главная беда не в этом. Народ стал недопивать. Да и на кой чёрт допивать, когда можно завинтить крышку и оставить на завтра. А недопивший народ – это, я скажу вам, уже серьёзно. Он начинает задумываться и задавать неудобные вопросы.

Вот так, из-за мелочей, гибнут империи.

«Солнце на спицах»

В 1969 году советские музыканты переделали на свой лад одну известную всей Европе мелодию. Сочинили оригинальный русский текст, и получился немудрящий, но задорный хит под названием «Песенка велосипедиста». В годы моей юности он звучал из каждого радиоприёмника в исполнении ансамбля «Поющие гитары». «Трудно было человеку десять тысяч лет назад. Он пешком ходил в аптеку, на работу, в зоосад. Он не знал велосипеда, слепо верил в чудеса, потому что не изведал всех достоинств колеса…», – ну и так далее.

Оказалось, что не только десять тысяч лет назад, но и всего-то каких-нибудь два столетия назад радость езды с ветерком на двухколёсном друге человеку была недоступна. Когда Пушкин учился в Царскосельском лицее, велосипед ещё не был изобретен. Первая поездка на двухколёсном самокате, прообразе современного велосипеда, состоялась 12 июня 1817 года. За рулём сидел его изобретатель: барон Карл фон Дрейз, уроженец немецкого Карлсруэ. Весьма символично, что состоялась эта историческая поездка в городе Мангейме – том самом Мангейме, где шесть десятилетий спустя миру явится самый первый автомобиль конструкции Карла Бенца, тоже по воле судьбы уроженца Карлсруэ. Эти два города Великого герцогства Баден по праву могут считаться родиной сразу двух важнейших технических достижений XIX века,

которые наряду с локомотивом полностью изменили жизнь человеческого рода.

Когда Россия была «родиной слонов» и всего полезного, что есть на свете, считалось, что велосипед изобрёл ещё в 1800 году уральский крепостной Артамонов. Но эта легенда подтверждена не была, а велосипед Артамонова, хранящийся в музее Нижнего Тагила, оказался подделкой конца XIX века. Не подтвердилось и авторство Леонардо да Винчи и его учеников. Ещё одна версия, будто в 1792 году аппарат, похожий на велосипед, демонстрировал в Пале-Рояле некий «граф де Сиврак», тоже оказалась выдумкой газетчиков. Так что примитивный деревянный аппарат Карла фон Дрейза без педалей, ездить на котором можно было, только отталкиваясь от земли ногами, судя по всему, является первым в истории велосипедом.

Барон назвал свой аппарат «Laufmaschine», то есть «машиной для бега». Впрочем, журналисты тут же окрестили её по имени изобретателя «дрезиной». Она была построена из дерева, весила 22 килограмма, имела подшипники с латунными втулками, кованые колёса и тормоз на заднем колесе. Расстояние в четырнадцать километров из Мангейма до загородной таверны и обратно фон Дрейз проделал на ней менее чем за час. 6 апреля 1818 он продемонстрировал свою машину публике в Париже и вскоре получил на неё патент.

Личность барона Карла Фридриха Кристиана Людвига Фрейхерра Дрейза фон Зауербронн достойна отдельного

рассказа. Он был человеком незаурядным и противоречивым, с очень непростой судьбой. В одной своей ипостаси он – потомок аристократического рода, близкого к герцогу Баденскому, сын надворного советника и высшего судьи Бадена, да и сам чиновник герцогства: после окончания Гейдельбергского университета Карл получил государственную должность лесного смотрителя, а позднее ещё и звание профессора механики, премию и ежемесячное содержание от герцога. За близость к правящим кругам барон подвергался нападкам со стороны революционно настроенных студентов и даже вынужден был уехать из-за этого на пять лет в Бразилию.

Но в другой ипостаси Карл фон Дрейз – убеждённый либерал и республиканец, поклонник Великой французской революции и сторонник антимонархической революции в Германии. В 1849 году, когда в его родной Баден пришли прусские войска, чтобы подавить революционное восстание, барон Дрейз демонстративно отказался от дворянского звания. Он убрал из своего имени слово «фон» и стал именоваться «гражданином Карлом Дрейзом». За это власти объявили его психически ненормальным, лишили пенсии и описали имущество. Гражданин Дрейз умер в голоде и нищете в своём скромном доме в Карлсруэ, всего в двух кварталах от того места, где рос тогда юный Карл Бенц, будущий изобретатель автомобиля.

За свою богатую событиями жизнь Карл Дрейз успел сде-

лать немало. Помимо «машины для бега» и двух четырёхколёсных безлошадных экипажей он изобрёл первую пишущую машинку с клавиатурой, машинку для стенографирования, мясорубку и ещё ряд нужных и полезных вещей, включая, конечно же, железнодорожную тележку на мускульной тяге, которая теперь на всех языках называется дрезиной.

Что же касается велосипеда, то ещё долгое время он оставался не столько средством передвижения, сколько диковинной забавой. Было изготовлено несколько тысяч экземпляров дрейзовской машины. В Лондоне «денди-хорс», «лошадь денди» – так там её называли – стала повальной модой среди праздной молодёжи. В некоторых крупных городах Европы и Америки власти вынуждены были запретить езду на велосипеде из-за участившихся столкновений с пешеходами.

Но прогресс остановить нельзя. Появлялись всё новые модели мускульных экипажей – трёх- и четырёхколёсные, с колёсами разного размера. Совершенствовались технологии. В середине XIX века додумались установить на механическую лошадку седло и педали. Ещё позже, в 1880–1890-х, придумали пневматические шины, цепную передачу, колёса на спицах, механизм свободного хода и тормоза. Началось массовое производство велосипедов. С этого времени агрегат стал более или менее похож на привычную нам двухколёсную машину, и в Европе и США начался велосипедный бум. Умение ездить на велосипеде стало правилом хорошего

тона для продвинутых мужчин и женщин. Это дало Марку Твену пищу для уморительного рассказа «Укрощение велосипеда». Тогда же езда на велосипеде становится спортом, проводятся первые многодневные гонки и ралли, а ипподромы начинают использовать в качестве велотреков. В дни велосипедных заездов там особенно многолюдно: соревнования механических лошадок пользуются большим интересом у публики.

Детище фон Дрейза не только стремительно менялось, но и меняло мир во многих его аспектах: от средств передвижения и способов проведения досуга до одежды. Историки моды утверждают, что ни одно изобретение не повлияло так сильно на изменения в женском и мужском костюмах, как велосипед. Цилиндры и длинные тяжёлые сюртуки уступили место кепи, курткам и пиджакам. А в начале 50-х годов XIX века, когда гражданин Дрейз умирал в безвестности в родном Карлсруэ, за океаном уже появилась на свет совершенно невероятная раньше вещь – женские штаны, велосипедные шаровары.

В начале XXI столетия в Великобритании был проведён опрос с целью выявить самое значительное техническое новшество за последние два века. Велосипед победил с огромным отрывом, далеко обогнав интернет, автомобиль и радио.

Сейчас представить себе мир без велосипедов невозможно. Это самое массовое средство передвижения, а также спорт, развлечение и здоровый отдых. Полтора миллиарда

велосипедов разъезжает сейчас по планете – больше, чем автомобилей. Они сильно отличаются от «машины для бега» фон Дрейза, да и друг от друга. Статья в «Википедии» насчитывает тридцать разновидностей велосипеда, различающихся по конструкции и назначению.

«Ветры и вёрсты, убегающие вдаль. Сядешь и просто нажимаешь на педаль».

Обмен культурный и некультурный

«Ты есть то, что ты ешь», – гласит древняя мудрость. И это относится не только к отдельным индивидам, но и к целым народам. Возьмём, скажем, какой-нибудь изнеженный южным солнцем народ, коротающий время в мирных беседах и изобретении кулинарных шедевров. Хочешь завоевать такой народ – бери его голыми руками, но не забудь обеспечить вкусной едой и дармовой выпивкой. Но если кухня страны по-спартански аскетична, – туда не суйся: надают по шее.

Сделав такой гениальный вывод, я решил взглянуть с этой стороны на нашего главного геостратегического соперника. И набросал список блюд, изобретённых американцами. Получилось вот что: чипсы, гамбургер, кетчуп, попкорн, салат «Цезарь» и крылышки «Баффало».

Но детальное изучение списка поставило меня в тупик. Выяснилось, что кетчуп-таки изобрели китайцы, а гамбургер – немцы из одноимённого города. Да и «Цезарь» сочинил итальянец на территории Мексики. Но уж чипсы и попкорн казались непререкаемыми американскими ценностями.

Каково же было моё удивление, когда я узнал, что индейцы научились взрывать кукурузу в глиняных горшочках ещё 5000 лет назад, когда страны США не существовало даже в проекте. Индейцы попкорн не только ели, но и гадали на нём,

и носили в виде украшения.

На доброй дюжине сайтов в интернете можно прочитать, что отцы-пилигримы, поселившиеся на территории современного штата Нью-Йорк, получили попкорн в дар от ирокезов 22 января 1630 года. Или, по другим источникам, 22 февраля. Но это не столь важно. История даже сохранила имя краснокожего благодетеля. Мол, в этот день индеец по имени Квадекуина, или на английский лад – Кводеквайн, принёс своим белым друзьям на первый День благодарения замшевый мешочек с зёрнами маиса и научил взрывать их нагреванием. Сколько огненной воды отдали колонисты взамен, история, правда, умалчивает.

Авторов этих постов совершенно не смущает тот факт, что первый День благодарения состоялся в ноябре 1621 года в Плимуте, на территории нынешнего Массачусетса, и гостями переселенцев были не ирокезы, а индейцы-вампаноаги. Но это тоже неважно. Важно то, что расчётливые американцы полюбили воздушную кукурузу кушать, наладили её промышленное производство и распространили попкорн на весь обитаемый мир. Но при этом сохранили культовое его предназначение. Сейчас он неотъемлемый атрибут ритуала посещения кино. Говорят, что владельцы кинотеатров получают от попкорна больше прибыли, чем от билетов.

Пострадавшими от культурного столкновения белой и доколумбовой Америки оказались, как водится, мирные граждане, как я, кому не нравится хруст и чавканье во время се-

анса. Впрочем, выяснилось, что и наш исконный и вполне патриотический заменитель попкорна – семечки подсолнечника – тоже происходит из Америки. Оттуда же к нам пришли картофель, томаты, фасоль, ананасы, какао и шоколад, каучук, индейки, морские свинки, ондатры и многое другое.

Обитатели Старого Света в долгу не остались. Они познакомили аборигенов Америки с колесом, плугом, железом, порохом и техническими достижениями цивилизации, европейской наукой и частной собственностью. Они завезли на вновь открытый континент лошадей, коров, овец, пчёл, домашних кошек и собак. Засеяли его пшеницей, рисом, сахарным тростником, засадили кофейными и цитрусовыми деревьями и тем самым полностью изменили ландшафт. Всё это позже назовут Колумбовым обменом.

Многие учёные, среди которых знаменитый норвежец Тур Хейердал, считают культурный обмен между народами основой общественного развития. Мол, стоит где-нибудь кому-то изобрести какой-то полезный артефакт, как тут же его растаскивают по всему свету. И так происходит прогресс.

Впрочем, то же самое происходит не только с полезными вещами, но и с бесполезными и даже вредными. И обмен бывает как культурным, так и, если можно так выразиться, «некультурным».

Яркий пример такого обмена случился в 1492 году в ходе первой экспедиции Колумба. 12 октября его матросы высадились на острове Гуанахани, который потом назвали Сан-

Сальвадором, и впервые встретились с аборигенами американского континента. Те поднесли пришельцам ценные, на взгляд туземцев, дары, среди которых были пахучие листья неизвестного европейцам растения. В конце октября Колумб открыл Кубу и отправил группу матросов вглубь острова обследовать местные селения. По возвращении моряки рассказали, что видели странных людей, которые сворачивали такие же листья в трубочку, поджигали их и вдыхали дым. Так европейцы познакомились с курением табака. 6 ноября 1492 года Колумб написал об этом в своём дневнике.

Курение показалось испанцам занятием смешным и диким. Но был среди них один моряк по имени Родриго де Херес, который имел другое мнение. Именно он вошёл в историю, как первый европейский курильщик. Он же стал и первым пострадавшим от борьбы с курением: в 1501 году попал в тюрьму инквизиции. Судьи решили, что человеком, выпускающим дым изо рта, овладели бесы.

Бедный Родриго отсидел семь лет, и когда он вышел на свободу, оказалось, что курят уже многие. Вторая экспедиция Колумба привезла в Испанию курительную траву с острова Тобаго, откуда и пошло слово «табак». А ещё через полвека путешественник и монах-францисканец Андре Тевe привёз из Бразилии семена табака, и его стали выращивать в Европе. И пошло-поехало.

Европейцы принесли в Америку цивилизацию и науку. А заодно «огненную воду» и вино, огнестрельное оружие,

оспу и туберкулёз, азартные игры и рабство, – и эти «дары» сильно уменьшили индейское народонаселение. Аборигены в долгу не остались. Вместе с попкорном, картошкой и помидорами они подарили остальному миру колорадского жука, коку, сифилис и курение, которые продолжают выкашивать публику на всех континентах.

Такой вот культурно-некультурный обмен вышел. Благодаря ему индеец Квадекуина и испанец Родриго де Херес застолбили себе место на скрижалях истории.

Он видел Ленина!

«Мужики, я Ле-енина видел!!!» – восторженно кричал бородатый солдат с чайником в руках из старого фильма «Кремлёвские куранты». Через полвека после революции те немногие, кому посчастливилось видеть Ленина и уцелеть в последующие лихие десятилетия, пользовались всеобщим почётом.

Среди них, правда, не было Якова Кошелькова, который Ленина не только видел, но и грабил. Случилось это в сочельник, то есть по новому стилю вечером 6 января 1919 года. Встреча с вождём дорого обошлась бандиту. В конце июля того же года после полугодовой охоты чекисты изрешетили его пулями на Божедомке.

«Ленин и печник», «Ленин и ходоки», «Ленин и дети» – сюжеты, известные каждому советскому школьнику. Новое время обогатило образ вождя новыми сюжетами, такими как «Ленин и Арманд», «Ленин и зайцы» и, о чём и пойдёт речь, «Ленин и бандит».

Эта история была известна и раньше из воспоминаний сестры вождя Марии Ульяновой, но по понятным причинам её не афишировали. А затем из секретных архивов были извлечены 23 тома уголовного дела № 240266, и история обросла подробностями. В папках хранились показания шофёра Ленина Степана Гиля, его охранника Ивана Чабанова, а

также литературно обработанные Исааком Бабелем и Михаилом Булгаковым воспоминания чекиста Фёдора Мартынова, которому и поручили поимку бандитов.

Дело было так. Потомственный налётчик Яков Кузнецов, известный под псевдонимом Кошельков, сотоварищи хозяйничал в послереволюционной Москве, воплощая в жизнь лозунг «Грабь награбленное». Сын ссыльнокаторжного, осуждённого за разбои, он достойно продолжил «профессию» отца и за свою недолгую двадцатидевятилетнюю жизнь сделал блестящую криминальную карьеру. Начав простым «щипачом», к 1918 году он, уже имея за спиной десять судимостей, несчётное число арестов и побегов, сумел стать одним из самых влиятельных бандитских авторитетов Москвы, которая только что стала столицей России. Под началом у Кошелька ходило не менее сотни бандитов, и он сам гордо именовал себя «ночным хозяином города».

За один только 1918 год Кошельков дважды попадался в руки московской ЧК, но всякий раз ухитрялся уйти, оставив за собой трупы чекистов. А затем и сам обзавелся поддельным удостоверением сотрудника ЧК, чекисткой кожанкой и с ними устраивал притворные обыски с изъятием ценностей на заводах, в учреждениях и богатых квартирах. На один из таких «эксов» он даже прихватил с собой двух настоящих милиционеров, просто показав им свой липовый мандат. «Дело» закончилось стрельбой, погибли милиционеры и трое бандитов, но Кошелёк ушёл с богатой добычей.

Он настолько обнаглел, что иногда представлялся самим Петерсом. В воровской среде он заслужил прозвище «неуловимый».

В сочельник 1919 года лихая компания в составе Кошелька и его подельников «Лёньки-сапожника», «Конька», «Зайца» и «Лягушки» – так эти достойные граждане именовались в своей среде – задумала ограбить пассаж на Лубянке. Видимо, им не хотелось оставлять своих подруг без рождественских подарков. Для «дела» был нужен автомобиль. В Сокольниках они остановили проезжавший «Роллс-Ройс» и выволокли из него… Ленина. Ильич вместе с сестрой, Гилем и Чабановым ехал на рождественскую ёлку в детскую лесную школу, где в это время отдыхала после приступа базедовой болезни Надежда Крупская.

Три ствола уткнулись в голову вождя, и охранники стрелять не решились, опасаясь за жизнь шефа.

«В чём дело? Я – Ленин», – сказал вождь, протягивая бандитам пропуск. Он, единственный из сидевших в машине, не понял, с кем имеет дело, приняв налётчиков за патруль. Благо по внешнему виду чекисты и красногвардейцы тогда мало отличались от бандитов. «Чёрт с тобой, что ты Левин. А я Кошельков», – был ответ. У Ильича бандиты забрали «браунинг» и документы, у Марии Ильиничны – золотые серёжки, сели в машину вождя, высадив пассажиров, и уехали по своим делам.

Видимо, налётчики просто не признали вождя. Телевизо-

ров тогда не было, а на митинги бандитам ходить было некогда. А когда рассмотрели удостоверение, поняли, какую добычу упустили. И даже попытались вернуться, чтобы взять Ильича в заложники. Но тот со всей компанией уже добрался пешком до Сокольнического райсовета, где поначалу вождя без документов тоже не признали.

Автор приказа «Расстреливать, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты» спустить бандитам такой наглости не мог. В тот же вечер московской милиции и военным властям был отдан приказ усилить борьбу с бандитизмом. Сам Петерс велел живыми бандитов не брать, а захваченных с поличным расстреливать на месте преступления. Была создана опергруппа, которая пошла по следу кошельковской банды, отстреливая налётчиков по одному и группами. Ликвидация банды затянулась на полгода.

Сам Кошелёк до поры до времени ловко уходил от засад благодаря поистине звериному чутью и хитрости, а также «кроту» в московской ЧК. Несколько чекистов были застрелены в упор, пав жертвой коварства Кошелька. Но и охотящийся за ним Мартынов тоже был не лыком шит, и кольцо вокруг Кошелькова сжималось. «За мной охотятся, как за зверем», – писал он в дневнике. Представьте – бандит вёл дневник! «Что же они хотят от меня, я дал жизнь Ленину… Я буду мстить и мстить до конца».

Кошельков сдержал слово. Он стал убивать и грабить самих чекистов, нападать на участки милиции. Когда ему нуж-

но было оружие, он просто отбирал его у военных на улицах, предъявляя свой липовый чекистский мандат. Страх перед ЧК был велик, и даже бравые вояки отдавали стволы и деньги беспрекословно. Кошелёк распоясался настолько, что средь бела дня ограбил первомайскую демонстрацию, убив при этом трёх милиционеров. Это стало прямым вызовом советской власти, покушением на её святые символы, и чекисты утроили усилия. Расколов одного из бандитов, выявили и арестовали кошельковского информатора из ЧК.

Но и после этого бандитский сериал не был завершён. Ещё дважды Кошелькову удавалось уходить из засад в, казалось бы, безвыходной ситуации, оставляя на месте схватки трупы чекистов и подельников-бандитов. 10 мая он бежал через поземный ход, бросив в чекистов бомбу. А четыре дня спустя смог почти мистическим образом вырваться из полностью блокированной чекистами квартиры.

Но силы оказались неравны. О том, как чекистам всё же удалось накрыть Кошелька на явочной квартире, пишут разное. В сети вы легко можете найти душещипательный рассказ о том, как бандита погубила любовь. Мол, Мартынову удалось найти любовницу Кошелькова, и та якобы предала любимого, выдала его убежище, испугавшись угроз чекиста. Прочтёте вы и о том, что Яков Кошельков был без ума от этой неверной особы, простил её предательство и умер с её именем на устах. Мне эта история не кажется правдоподобной. Тем более что документальных подтверждений её не со-

хранилось. Мне думается, что она – всего лишь попытка романтизировать жизнь закоренелого душегуба.

Реальность, я полагаю, была более прозаической. Охотники обложили зверя основательно: его ждали по всем адресам, где он мог появиться. Мест, где можно было скрыться, становилось всё меньше, и бандит был обречён рано или поздно нарваться на засаду. Короткая перестрелка, в которой у Кошелька не было никаких шансов, прервала его бандитскую карьеру. В кармане убитого нашли «браунинг» Ленина, фальшивые удостоверения и тот самый дневник.

Ильич вскользь упомянул об этой истории в статье «Детская болезнь левизны в коммунизме», иллюстрируя тезис, почему иногда разумно уступить грубой силе, чтобы не потерять главного.

А я всё думаю: что бы было, открой Гиль с Чабановым в тот вечер пальбу? Один случайный выстрел – и история могла пойти по-другому.

Увидеть Эверест и не умереть

Судьба не всегда справедлива к людям. Порой она отправляет в забвение подлинных героев или же возносит до вершин славы тех, кто к этому не стремился.

Ничем иным, как причудливым фортелем судьбы, не объяснить тот факт, что в названии величайшей вершины мира увековечено имя малоизвестного британского военного чиновника, который на склонах одноимённой с ним горы никогда не бывал и даже к ней на пушечный выстрел не приближался.

Впрочем, сам сэр Джордж Эверест, руководитель геодезической службы Британской Индии в первой половине XIX века, о такой славе и не мечтал. В течение полувека по заданию колониальных властей он организовывал топографическую съёмку Гималаев и Карокорума. Это грандиозная работа, получившая в истории название Великого тригонометрического исследования, имела огромное научное значение. За свои заслуги Эверест был удостоен рыцарского звания и стал вице-президентом Королевского географического общества.

Помимо прочего, миссией Эвереста с максимальной точностью, возможной в те времена, на карту были нанесены главные вершины Гималаев, правда, без определения высоты, и среди них – безымянный «пик XV». Лишь десятилетие

спустя, когда генерал Эверест уже закончил службу и покинул Индию, индийский математик Радханат Сикдар, проведя тригонометрические вычисления, установил, что «пик XV» является, возможно, самой высокой горой на Земле. Ученики Джорджа Эвереста предложили назвать её именем своего бывшего начальника. Скромный сэр Эверест отказывался, но тщетно: это название с подачи англичан так и закрепилось в европейской традиции.

Джордж Эверест был вполне достойным джентльменом и видным учёным. Но этот рассказ не о нём. Он о тех, кто отдал свою жизнь – в переносном и в прямом смысле – покорению величайшей вершины мира.

…Несколько лет назад я отправился в Непал, чтобы своими глазами увидеть Эверест. Сделать это непросто: со стороны долины его прикрывают от досужих глаз громады Нупцзе и Лхоцзе. Надо неделю идти пешком и подняться на 5650 метров – высоту Эльбруса, – чтобы оказаться лицом к лицу с чёрным треугольником высочайшей горы планеты.

И вот я здесь, на вершине Кала-Патара, сияет солнце, и Эверест, свободный от облаков, передо мною как на ладони. Только на самой верхушке развевается небольшой белый шлейф, как будто облачко зацепилось за конус вершины и не хочет улетать. Снизу картина выглядела идиллически, полермонтовски: «ночевала тучка золотая на груди утёса-великана»… Но это было не облачко. Это на вершине свирепствовал буран. Невероятной силы ветер срывал со склона

снежный покров и относил его далеко в сторону.

У этой горы есть и более романтические имена. Непальцы называют её Сагарматхой, что переводится как «Небесная вершина» или «Голова небес», а тибетцы – Чомолунгмой (по-китайски Чу-му-ланг-ма) – «Богиня-мать мира» или «Мать Богов». Первовосходитель Тенцинг Норгей в одном интервью предложил собственный перевод названия горы с языка шерпов – «гора такая высокая, что через неё не перелетит ни одна птица». И это правда. Ни одно живое существо, кроме человека, не в состоянии выжить на вершине Эвереста, достигающей поистине космической высоты 8848 метров.

Представьте, что пассажиру авиалайнера пришла в голову идея открыть иллюминатор. Подышать свежим воздухом всё равно не удастся: здесь почти нет кислорода, а атмосферное давление вполовину от обычного. Здесь царит космический холод, температура воздуха падает порой до минус 60 градусов, и порывы ветра, достигающие 200 километров в час, способны сдуть человека со склона, как пушинку, и сорвать самую крепкую палатку.

А вот альпинистам приходится не только жить в этих нечеловеческих условиях сутками, но ещё и выполнять тяжелейшую работу, лишь бы побывать на «крыше мира».

Согласно общепринятой версии, впервые нога человека ступила на вершину Эвереста 29 мая 1953 года – всего за восемь лет до полёта Гагарина в космос. Первыми оказа-

лись участники английской экспедиции новозеландец Эдмунд Хиллари и тот самый Тенцинг Норгей Шерпа, в одночасье ставшие всемирно знаменитыми. Но ещё до этого, с начала 1920-х годов, когда далай-лама, уступив просьбам вице-короля Индии, впервые разрешил европейцам приблизиться к Джомолунгме, было двенадцать попыток восхождения. Не исключено, что одна из них, предпринятая ещё в 1924 году, была успешной – и тогда историю придётся переписать. Однако эта версия до сих пор не подтверждена, но и не опровергнута окончательно.

Доподлинно известно, что первым человеком, ступившим на склоны Эвереста, был тридцатичетырехлетний – на тот момент – англичанин Джордж Герберт Ли Мэллори. Этот человек достоин отдельного рассказа. Сын священника, историк, выпускник Кембриджа, прошедший фронты Первой мировой, – Мэллори грезил горами и получил неплохой альпинистский опыт в Альпах. В 1921 году он бросил хорошую работу преподавателя в элитной школе, оставил дома любимую жену с тремя детьми, чтобы присоединиться к первой британской экспедиции на Эверест. До этого ни один европеец не приближался к Эвересту ближе, чем на 60 миль. Целью экспедиции была топографическая съёмка местности и определение возможного маршрута восхождения, а если сложатся благоприятные обстоятельства, то и подъём на вершину. Задача для тех времён исключительно амбициозная, граничащая с безумством. Ещё никто из людей не бывал на

высотах более 8000 метров. Альпинисты и представить себе не могли, с чем они там могут столкнуться.

В те времена Непал был закрыт для иностранцев, поэтому англичане искали пути восхождения с севера, из Тибета. Подробных карт не существовало, приходилось действовать буквально на ощупь. Не сразу, методом проб и ошибок, участники экспедиции определили возможный маршрут восхождения через ледник Ронгбук и Северное седло. Этим маршрутом и сейчас ходят многие восходители. Так получилось, что наиболее опытный альпинист партии Гарольд Реборн заболел, и честь первому ступить на склон горы досталась молодому Мэллори. Случилось это 23 сентября 1921 года. С двумя товарищами он добрался до Северного седла на высоте более семи тысяч метров, откуда открывалась дорога на вершину по Северному гребню. Там альпинисты поняли, что дальнейшего пути им не одолеть без тщательной подготовки. К тому же разыгралась буря, заканчивался сезон, и восхождение пришлось отложить на год.

Следующим летом англичане, и Джордж Мэллори среди них, вновь отправились покорять «крышу мира». Было предпринято три попытки. 21 мая Мэллори с двумя товарищами дошли по Северному гребню до высоты 8225 метров. Так высоко в горы не поднимался ещё никто в мире. По тем временам это уже равнялось подвигу. Чтобы понять это, достаточно посетить музей альпинизма в непальской Покхаре и увидеть снаряжение тех времён. Нам, поколению, избалованно-

му полартеком и мембранными тканями, удивительно, как можно в такой одежде и обуви вообще выходить в горы. На высотах выше 8000 метров начинается так называемая «зона смерти», где обычный человек без дополнительного кислорода выжить не может, даже если он просто лежит, не двигаясь. На обратном пути вся группа в связке сорвалась со скользкого склона, но Джордж Мэллори сумел удержаться с помощью ледоруба и удержал остальных.

27 мая двое англичан – Чарльз Брюс и Джордж Финч – поднялись ещё выше, до высоты 8326 метров. Впервые в истории они использовали для восхождения кислородные аппараты. Один из них сломался, и истощённые альпинисты вынуждены были вернуться.

Врач экспедиции настаивал на прекращении попыток: все восходители смертельно устали или были больны. Но Джордж Мэлллори всё же вышел с двумя товарищами и четырнадцатью носильщиками на решающий штурм. 7 июня он закончился трагедией. Под лавиной погибли семеро шерпов. История сохранила их имена: Пема, Санге, Тупак, Пасанг, Норбу, Тэмба, Дородже. Они стали первыми человеческими жертвами Эвереста. Англичане были засыпаны снегом, но сумели выбраться. Так закончилась вторая британская экспедиция на Эверест.

Но не таков был Джордж Мэллори, чтобы опустить руки. Два года спустя он – снова на склоне великой горы в составе третьей британской экспедиции, уже как её главный аль-

пинист. Перед поездкой он заявил: «Мы пойдём к вершине. Если мне суждено умереть, то нет лучшей смерти, чем в попытке покорить Эверест». Слова эти оказались пророческими.

Опускаю подробности того, с какими трудами и потерями членам экспедиции удалось установить лагерь на высоте 8168 метров. Оттуда рано утром 8 июня 1924 года на свой последний маршрут вышли Джордж Мэллори и его напарник, студент-инженер и специалист по кислородным аппаратам Эндрю Ирвин. Сэнди – так называли друзья этого улыбчивого двадцатидвухлетнего парня. После полудня фотограф экспедиции Ноэль Оделл с помощью бинокля разглядел обоих на Второй ступени, то есть на высоте более 8600 метров. Затем небо затянуло тучами, и они пропали из виду, а в два часа пополудни начался снежный шторм.

Снизу может показаться, что от Второй ступени рукой подать до вершины, и главные препятствия на пути к ней уже позади. Но на космической высоте Эвереста две с половиной сотни метров – путь длиною в жизнь. Удалось ли смельчакам достичь вершины, – этот вопрос и по сей день остаётся одной из главных загадок XX века. Больше их никто живыми не видел, в лагерь они не вернулись.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.